

А.Н. Гиляров

**Платонизм как основание
современного мировоззрения
в связи с вопросом о задачах
и судьбе философии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А.Н. Гиляров**
Платонизм как основание современного мировоззрения в связи с вопросом о задачах и судьбе философии / А.Н. Гиляров – М.: Книга по Требованию, 2014. – 90 с.

ISBN 978-5-458-54317-0

ISBN 978-5-458-54317-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Wolbt sich der Himmel nicht da droben?
 Liegt die Erde nicht hier unten fest?
 Und steigen freundlich blickend
 Ewige Sterne nicht herauf?
 Schau' ich nicht Aug in Auge dir,
 Und drangt nicht alles
 Nach Haupt und Herzen dir,
 Und webt in ewigem Geheimniss
 Unsichtbar sichtbar neben dir?
 Erfüll' davon dem Herz, so gross es ist,
 Und wenn du ganz in dem Gefühle selig bist,
 Nenn' es dann, wie du willst,
 Nenn's Glück! Herz! Liebe! Gott!
 Ich habe keinen Namen
 Dafür! Gefühl ist alles,
 Name ist Schall und Rauch,
 Umnebelnd Himmelsgluth.

Goethe.

Мм. Гг Я взялъ на себя обязанность познакомить васъ съ философіей Платона на его произведеніяхъ. Я выбралъ съ этою цѣлью два діалога «Федонъ» и «Софистъ». Оба они одинаково важны для изученія Платона и одинаково интересны въ историческомъ отношеніи. Первый съ величественной простотой рисуетъ картину умирающаго философа и его устами говорить о судьбѣ человѣческой души до соединенія съ тѣломъ и послѣ смерти, при чемъ выставляетъ цѣлый рядъ положеній, возымѣвшихъ рѣшающее значеніе для всего послѣдующаго развитія философской мысли; второй ставитъ задачей отвѣтить на одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ исторіи философіи — вопросъ о томъ, что такое софистъ, и входить по этому поводу въ глубокомысленное разслѣдованіе о свойствахъ бытія и небытія, о природѣ истины и лжи. И въ томъ и другомъ діалогѣ излагается основное ученіе Платона — его идеологія — въ первомъ въ ея историческомъ развитіи, во второмъ — съ точки зрѣнія испытующей діалектики. По формѣ одинъ, Федонъ — высокое поэтическое произведеніе; другой, Софистъ — отвлеченное изслѣдованіе съ необходимою въ этомъ случаѣ сухостью, которая, однако, вполне искупается проходящимъ чрезъ весь діалогъ тонкимъ юморомъ и необыкновенною остротою мысли.

Оба эти діалога мы будемъ читать въ подлинникѣ; но объясненія мои будутъ не филологическія, — филологин я буду касаться

лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это прямо необходимо для уразумѣнія текста, — а чисто философскія. Но философское толкованіе Платона можетъ быть весьма различно, — смотря, во-первыхъ, по степени знакомства съ Платономъ, а во-вторыхъ, по той или другой точкѣ зрѣнія на философію вообще и на философію Платона ¹⁾ въ частности. О своемъ знакомствѣ съ Платономъ я могу заявить, что занялся этимъ философомъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ; я надѣюсь поэтому, что превратнаго толкованія, вслѣдствіе недостаточной начитанности въ Платонѣ, я дать не могу. Мнѣ остается сказать о своей философской точкѣ зрѣнія. Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что общій курсъ о Платонѣ читается въ настоящее полугодіе не мной и что, быть можетъ, нѣкоторыя изъ моихъ воззрѣній будутъ совершенно одинокими. Но предъ началомъ курса я не нашелъ нужнымъ сговариваться, полагая, что если самостоятельность дорога во всѣхъ случаяхъ, то въ области философскаго изслѣдованія она не только дорога, но и безусловно необходима. Тѣмъ именно философское міросозерцаніе и отличается отъ обыкновеннаго, что не входитъ ни въ какія соглашенія и не признаетъ для себя обязательнымъ ничего, кромѣ приговора личнаго испытующаго ума. Но согласно ли то, что признано этимъ умомъ за истину, съ воззрѣніями другихъ лицъ, и будетъ ли принята эта личная истина другими, — объ этомъ у философскаго изслѣдователя не главная забота. Задача философіи не въ томъ, чтобы проводить въ сознаніе новыя истины, но въ томъ, чтобы провѣрять и систематически располагать то, что дано какъ ею самой, такъ и другими науками. Въ разногласіи вся жизнь философіи; и чѣмъ больше противорѣчивыхъ мнѣній объ одномъ и томъ же, тѣмъ для философскаго ума легче подойти къ истинѣ.

¹⁾ О Платонѣ самое лучшее сочиненіе G. Grote's, *Plato and the others Companions of Socrates* (послѣднее — удешевленное — изданіе вышло въ прошломъ году (въ 4-хъ томахъ) у Murray'а въ Лондонѣ); затѣмъ — Zeller's, *Philosophie der Griechen*, II. B., 1-te Abth., 1875; Ribbing, *Genetische Darstellung der Platonischen Ideenlehre*. Leipzig, 1863; Stein, *Sieben Bucher zur Geschichte des Platonismus*. Göttingen 1864—1875; Snseml, *Die genetische Entwicklung der Platonischen Philosophie*. Leipzig, 1855—1860; Fouillée, *La philosophie de Platon*. Paris, 1869. Изъ переводовъ слѣдующіе наилучшіе: *Platon's sammtliche Werke*, übers. von Hieronymus Müller, mit Einleit. v. K. Steinhart. Leipzig, 1850—1873; Jowett, *The Dialogues of Plato*. Oxford, 1875; Consin, *Oeuvres de Platon* Paris, 1825—1840; Ferrai, *I dialoghi di Platone nuovamente volgarizzati*. Padova, 1873 (изданіе продолжается).

Начало всякой философіи есть сомнѣніе. Вотъ истина, которая проходитъ чрезъ всѣ философскія системы (достойныя этого имени), хотя и была впервые опредѣленно высказана Декартомъ. Но безусловное сомнѣніе дѣлаетъ невозможнымъ какое бы то ни было познаніе; съ другой стороны и безусловная вѣра исключаетъ возможность познать истину. Является вопросъ: въ чемъ должно сомнѣваться и въ чемъ нельзя? И такъ какъ человѣческій умъ не можетъ удовольствоваться отрицательнымъ рѣшеніемъ, то съ вопросомъ о томъ, въ чемъ должно сомнѣваться, тѣсно связанъ другой — какъ выйти изъ сомнѣнія? На эти вопросы лучше всего можетъ отвѣчать та наука, которая ставитъ своею задачею изученіе философскихъ воззрѣній въ ихъ послѣдовательной связи — или исторія философіи. Она раскрываетъ передъ нами всѣ сомнѣнія, которымъ предавался человѣческій умъ, начиная съ первыхъ проблесковъ философскаго сознанія въ отдаленнѣйшія времена и кончая тою зрѣлостью философскаго мышленія, которою отличается нынѣшнее столѣтіе, и указываетъ пути, по которымъ лучшіе умы старались дойти до познанія истины. Но на ряду съ воззрѣніями лучшихъ представителей философской мысли, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ руководствовались исключительнымъ стремленіемъ познать истину, исторія философіи излагаетъ ученія и такихъ мыслителей, для которыхъ философія была не жизненной потребностью, но лишь средствомъ къ достиженію цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ исканіемъ истины. Такихъ нечестныхъ мыслителей особенно много въ нынѣшнемъ вѣкѣ, который одинаково блистаетъ какъ философскою провицательностью, такъ и философскимъ шарлатанствомъ ¹⁾. Поэтому занятія новой

¹⁾ Никто не можетъ не отдать дань справедливости благородному и самоотверженному исканію истины великими философами новаго времени — Декартомъ, Спинозой, Лейбницемъ, Локкомъ, Юмомъ, Кантомъ и др. Но нельзя вѣстѣ съ Шопенгауэромъ не испытывать непріятнаго впечатлѣнія, wenn mann, nach dem *Studio der wirklichen Denker, an die Schriften Fichtes und Schellings, oder gar an den, mit granzenlosem, aber gerechtem Vertrauen zur deutschen Niaserie, frech hingeschmierten Unsinn Hegels geht. Bei jenen hatte man überall ein redliches Forschen nach Wahrheit und ein ebenso redliches Bemühen, ihre Gedanken Andern mitzuthetilen, gefunden. Daher fuhlt sich, wer im Kant, Locke, Hume, Malebranche, Spinoza, Kartesius hest, erhoben und von Freude durchdrungen: dies wirkt die Gemeinschaft mit einem edlen Geiste, welcher Gedanken hat und Gedanken erweckt. Das Umgekehrte von diesem Allen findet statt beim Lesen der oben genannten drei deutschen Sophisten. Ein Unbefangener,*

философіей для человѣка, не предавагося всецѣло этому дѣлу, можетъ принести столько же вреда, сколько пользы. Гораздо больше искренности у средневѣковыхъ мыслителей ¹⁾, но средневѣковая философія не была самостоятельною наукой, но лишь служанкой богословія; а съ XIV вѣка она утрачиваетъ всякій научный характеръ и становится мистикой. Для плодотворнаго изученія остается одна только древняя философія. Древніе философы всѣ безъ исключенія были честные мыслители ²⁾. Среди нихъ особенно высятся греческіе философы Сократъ, Платонъ и Аристотель. Самый великій изъ этихъ трехъ — безспорно Сократъ. Онъ первый проникся истиннымъ философскимъ духомъ: разграничивъ область познаваемого отъ непознаваемого, онъ отказался отъ изслѣдованія послѣдняго ³⁾, а въ первомъ признавалъ за истину лишь то, что находило себѣ оправданіе передъ строгимъ судомъ его испытующаго ума ⁴⁾; онъ первый постигъ ту великую правду, что люди обыкновенно не знаютъ того, что знаютъ и чего не знаютъ, говорятъ слова, значеніе которыхъ не понимаютъ, и вслѣдствіе этого и сами путаются и другихъ сбиваютъ съ толку ⁵⁾, и что поэтому благодѣтелемъ люди должны считать того, кто освободитъ ихъ отъ закоренѣлой самоувѣренности въ призрачномъ знаніи ⁶⁾; онъ первый,

der ein Buch von ihnen aufmacht und dann sich fragt, ob dies der Ton eines Denkers, der belehren, oder der eines Scharlatans, der tauschen will, sei, kann nicht fünf Minuten darüber in Zweifel bleiben: so sehr athmet hier alles Unredlichkeit. (Schopenhauer's Parerga und Paralipomena. Leipzig, 1878, S. 24 f.; ср. ib. S. 152 f.). Относительно Фихте и Шеллинга этотъ отзывъ слишкомъ суровъ; но онъ совершенно справедливъ относительно Гегеля. (Ср. Эпизодъ.)

¹⁾ Послѣ долгихъ занятій средневѣковыми мыслителями, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло при разработкѣ вопроса о номинализмѣ и реализмѣ (см. ниже), я не могъ не вынести убѣжденія, что презрительное отношеніе къ нимъ далеко не всегда можетъ найти себѣ оправданіе.

²⁾ Древніе философы учили не изъ-за денегъ и не были служителями никакихъ партій; даже софисты (бравшіе за свои бесѣды плату) въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ были вполне искренни. Доказательства мною будутъ представлены въ подготовляемомъ къ печати обширномъ изслѣдованіи „О софистахъ и ихъ отношеніи къ Сократу“.

³⁾ Xenoph. Memorab., I, 1, 12, 16.

⁴⁾ Ср. замѣчательныя слова Сократа — Plato, Gorgias, 472, B; Phaedon, 91, A; Krito, 46, B.

⁵⁾ Xenoph. Memor., III, 9. 6 и у Платона почти въ каждомъ диалогѣ.

⁶⁾ Plato, Apol., 36, D. Ср. Sophist, 230, B, слѣд.

наконецъ, далъ указанія на истинныя основанія нравственности. Но изученіе философіи Сократа представляетъ то неудобство, что онъ свои воззрѣнія излагалъ устно и не оставилъ послѣ себя никакихъ сочиненій. Свѣдѣнія, сообщаемыя о Сократѣ Ксенофонтъ, нельзя не признать односторонними¹⁾; великое значеніе афинскаго мудреца²⁾ станетъ для насъ ясно лишь въ томъ случаѣ, если чтеніе Ксенофонта мы дополнимъ чтеніемъ Платона и Аристотеля, которые вообще воспользовались въ полной мѣрѣ всѣмъ предшествовавшимъ развитіемъ греческой философской мысли. Уже по этому одному эти два философа заслуживаютъ всесторонняго изученія; но особенно интересны ихъ сочиненія потому, что никто не затронулъ столько разнообразныхъ и плодотворныхъ философскихъ вопросовъ, какъ именно эти два мыслителя.

Платонъ и Аристотель одинаково велики, стяжали себѣ равную извѣстность, но значеніе ихъ не одинаково. Ученіе Аристотеля³⁾ есть лишь видоизмѣненное ученіе Платона и всецѣло на него опирается, подобно тому какъ ученіе Платона въ свою очередь всецѣло опирается на ученіе Сократа, такъ что, не зная ученія Сократа, невозможно понимать Платона, и не зная Платона, нельзя понимать Аристотеля. Затѣмъ, тогда какъ ученіе Аристотеля было особенно важно для развитія средневѣковой схоластики, Платонова идеологія тѣсно связана съ новѣйшимъ философскимъ движеніемъ на Европейскомъ материкѣ. Платонъ основалъ философское направленіе, извѣстное подъ именемъ раціонализма или идеальнаго реализма,⁴⁾ которое сказывается съ одинаковой силой

¹⁾ Ср. Ribbing, Ueber das Verhältniss zwischen den Xenophontischen und den Platonischen Berichten über die Persönlichkeit und die Lehre des Sokrates. Upsala, 1870.

²⁾ Самое лучшее изложеніе жизни и философіи Сократа у Грота въ его History of Greece, Vol. VIII, Ch. LXVIII (ed 1869) и Plato and the others Companions of Socrates (ср. выше стр. 6, прим. I); также, Zeller's Philosophie der Griechen, II. B., 1-te Abth., 3-te Aufl., 1879; Fouillée, La Philosophie de Socrate. Paris, 1874; наконецъ Labriola, La dottrina di Socrate. Napoli. 1871.

³⁾ Сжатое и ясное изложеніе ученія Ар. у Wallace, Outlines of the Philosophy of Aristotle, 3-d edit., 1883; затѣмъ — у Schwegler'a въ Geschichte der griech. Phil. (3-te Aufl. besorgt. v. Köstlin. 1882; подробн. у Zeller'a, Philosophie der Griechen, II. B., 2-te Abth., 3-te Aufl., 1879

⁴⁾ Что раціонализмъ есть идеальный реализмъ — это много будетъ со всею историческою обстоятельностью доказано въ особомъ изслѣдованіи «О номинализмѣ и реализмѣ», которое выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

какъ у французскихъ мыслителей съ Декартомъ во главѣ, такъ и у нѣмецкихъ — Вольфа, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шлейермахера, Шопенгауэра, Гартмана и т. д. Не зная идеологій Платона, нельзя съ исторической отчетливостью уразумѣть ни системъ Декарта, Спинозы, Мальбранша и Лейбница, ни критикъ Канта, ни абсолютнаго идеализма Фихте и абсолютнаго панлогизма Гегеля, ни Шеллинговскихъ, Шопенгауэровыхъ и Гартмановыхъ идей и т. д.¹⁾ Такъ какъ ученіе Платона стоитъ въ болѣе связи съ новѣйшими ученіями²⁾, то оно интереснѣе ученія Аристотеля. Этотъ интересъ усиливается еще тѣмъ, что Платонова идеологія есть не только блистательнѣйшая изъ всѣхъ философскихъ системъ, но также и великолѣпнѣйшее поэтическое произведеніе. Но самое важное отличіе Аристотеля отъ Платона состоитъ въ томъ, что первый болѣе сдѣлалъ для науки, — его Логика, Психологія и Естественная исторія будутъ всегда вызывать благодарность и удивленіе, — второй — для тѣхъ воззрѣній, которыми руководствуется практическая жизнь. Нельзя впрочемъ сказать, что мало сдѣлано для науки и Платономъ — его логическія и психологическія замѣчанія весьма цѣнны, а его идеологія положила основаніе цѣлой философской отрасли — метафизикѣ; но Платонъ, какъ поэтъ, руководствовался болѣе движеніями сердца, чѣмъ требованіями отвлеченной мысли, тогда какъ Аристотель, наобо-

1) Идеи и сущности въ системахъ Декарта, Мальбранша, Спинозы и т. д., «понятія», «идеи» и «вещи по себѣ» въ критикахъ Канта — суть лишь видоизмѣненныя «идеи» и «сущности» Платона. Точно то же должно сказать и о «монадахъ» Лейбница. Съ одной стороны онѣ напоминаютъ атомы Демокрита, а съ другой — живыя и одаренныя силой и разумнымъ сущности Платона (ср. Plato, Sophista, 246, E, слѣд. и въ особенности 248, C — E). Идеализмъ Канта, Фихте и др. основанъ на предположеніи, что разумъ въ себѣ находитъ содержаніе, а это предположеніе ввелъ въ философію Платонъ ученіемъ о приобрѣтеніи знанія, какъ воспоминаніи (ср. прилож. I). «Панлогизмъ» Гегеля образовался изъ соединенія идеологій Платона съ ученіемъ Спинозы; идеи Шеллинга суть Платоновы «первообразы». (Ср. Schelling's, Bruno; Werke, Bd. IV, S. 220). Шопенгауэровская «воля» объективируется по ступенямъ Платоновыхъ идей; система Гартмана, какъ извѣстно, есть лишь преобразованная система Шопенгауэра. Подробно о значеніи Платоновой идеологій въ исторіи метафизики будетъ сказано въ изслѣдованіи «О номинализмѣ и реализмѣ».

2) О значеніи Платонизма для развитія новѣйшей философской мысли даетъ нѣкоторые указанія Laas, Idealismus und Positivismus. Berlin, 1879—1884. Ср. также Benn, The Greek Philosophers, London, 1882, II, p. 363—430.

ротъ, руководствовался главнымъ образомъ требованіями своей логики. Но при сравнительной оцѣнкѣ этихъ двухъ мыслителей не надо забывать, что люди вообще больше живутъ сердцемъ, чѣмъ умомъ ¹⁾. Поэтому, хотя Аристотель написалъ прекрасную Поэтику, блестящую Этику и старался дать научныя основанія теизму, его эстетическія, нравственныя и религіозныя воззрѣнія далеко не имѣли такого рѣшающаго значенія, какъ, быть можетъ, менѣе научныя, но за то болѣе отвѣчающія требованіямъ сердца воззрѣнія Платона.

Создавъ великолѣпный міръ идей и поставивъ ихъ за предѣлами чувственнаго міра, гдѣ-то въ занебесномъ мѣстѣ — *ἐν τῇ ὑπερουρανίῳ τόλῃ* ²⁾ — Платонъ положилъ основаніе тѣмъ эстетическимъ, нравственнымъ и религіознымъ убѣжденіямъ, которыя болѣе двадцати вѣковъ составляютъ безсознательное умственное достояніе всѣхъ просвѣщенныхъ людей ³⁾, вдыхаются отъ рожденія вмѣстѣ съ воздухомъ, передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію и коренятся въ умахъ съ такой силой, что отъ нихъ удастся освободиться лишь немногимъ — на разочарованіе себѣ и на горькіе упреки со стороны другихъ ⁴⁾.

Такъ, въ области эстетики Платонъ установилъ взглядъ на красоту, какъ на божественный, чистый, вѣчный, неизмѣнный и недоступный идеалъ, лишь изрѣдка и то на короткія мгновенія зримый въ конечныхъ вещахъ ⁵⁾, и изображать который въ его до-

¹⁾ См. ниже стр. 18 и слѣд. Ср. также прил. IV.

²⁾ Plato, Phädr., 247, С.

³⁾ Платонова терминологія усвоена всеми культурными языками, а вмѣстѣ со словами безсознательно передается и исторически наслоившійся на нихъ смыслъ. Теперь для многихъ совершенно невозможно вести какую-либо болѣе или менѣе отвѣченную бесѣду, не употребляя словъ въ родѣ идея, понятіе, сущность и т. д.; но каждое изъ нихъ начинаетъ свою философскую жизнь у Платона. Какую любовную судьбу пришлось испытать словамъ: «сущность», «идея», «понятіе» и др., и какую неотразную (хотя обыкновенно и не сознаваемую) силу надъ умами всѣхъ мыслителей имѣли и имѣютъ связанныя съ этими словами воззрѣнія Платонова реализма — я подробно излагаю въ изслѣдованіи «О номинализмѣ и реализмѣ». Но Платонъ былъ великій преобразователь не въ одной только философской терминологіи. Благодаря его философіи, приняли совсѣмъ новое, дотошъ невѣдомое значеніе слова, выражающія нравственныя и эстетическія волненія (ср. дальше прилож. II).

⁴⁾ Ср. приведенныя ниже воззрѣнія Байрона на красоту и любовь. Увлечаться подобными разоблаченіями способны весьма немногіе, укорять за нихъ Байрона готовы почти всѣ.

⁵⁾ Plato, Sympos., 210, E; Phädr., 250, D.

ступной человѣку полнотѣ есть безконечная цѣль искусства¹⁾. Идеализмъ въ искусствѣ чуждается житейской пошлости; во всемъ прозираетъ онъ вѣчное²⁾, которое можетъ быть постигнуто только чистымъ сердцемъ и выражено только въ возвышенныхъ образахъ³⁾.

¹⁾ Платонъ порицалъ (De Rep., 595 сл.) художниковъ за то, что они изображаютъ въ своихъ произведеніяхъ не вѣчно сущее, но лишь подобіе его подобія. Отсюда выработался (современный) взглядъ, что искусство должно поплотять въ явленіи идею (вѣчно сущее Платона — или какъ теперь обыкновенно выражаются «существенное»). Ср. Taine, Philosophie de l'Art (4-me ed., 1885, I, p. 36). L'artiste, en modifiant les rapports des parties, les modifie dans le même sens, avec intention, de façon à rendre sensible un certain caractère essentiel de l'objet, et par suite, l'idée principale qu'il s'en fait. Ce caractère est ce que les philosophes appellent l'essence des choses; et, à cause de cela, ils disent que l'art a pour but de manifester l'essence des choses.

²⁾ Ср. эстетически воззрѣнія Шиллера (Briefe über die ästhetische Erziehung), Шеллинга (Ueber die Methode des akademischen Studiums (1803), Bruno (1802), Ueber das Verhältniss der bildenden Künste zur Natur (1807), Philosophie der Kunst, изд. въ 1859 г.), Гереля (Vorlesungen über d. Aesthetik, herausg. v. H. Hotho, 1836—1838) и Кэппера (Aesthetik, 1885).

³⁾ Поэтически выражена заповѣдь идеализма Шиллеромъ въ Briefe über die ästhetische Erziehung (Werke, Leipzig, Teschen, 1871, X, 93 f.).

Gieb also, werde ich dem jungen Freund der Wahrheit und Schönheit zur Antwort geben, der von mir wissen will, wie er dem edeln Trieb in seiner Brust, bei allem Widerstande des Jahrhunderts, Genüge zu thun habe, gieb der Welt, auf die du wirkst, die Richtung zum Guten, so wird der ruhige Rhythmus der Zeit die Entwicklung bringen. Diese Richtung hast du ihr gegeben, wenn du, lehrend, ihre Gedanken zum Nothwendigen und Ewigen erhebst, wenn du, handelnd oder bildend, das Nothwendige und Ewige in einen Gegenstand ihrer Triebe verwandelst. Fallen wird das Gebäude des Wahns und der Willkürlichkeit, fallen muss es, es ist schon gefallen, sobald du gewiss bist, dass es sich neigt, aber in dem innern, nicht blos in dem äussern Menschen muss es sich neigen. In der schamhaften Stille deines Gemüths erziehe die siegende Wahrheit, stelle sie aus dir heraus in der Schönheit, dass nicht blos der Gedanke ihr baldige, sondern auch der Sinn ihre Erscheinung lebend ergreife. Und damit es dir nicht begegne, von der Wirklichkeit das Muster zu empfangen, das du ihr geben sollst, so wage dich nicht eher in ihre bedenkliche Gesellschaft, bis du eines idealischen Gefolges in deinem Herzen versichert bist. Lebe mit deinem Jahrhundert, aber sei nicht sein Geschöpf и т. д.

Ср. также «Das Ideal und das Leben»:

Nur der Körper eignet jenen Mächten,
Die das dunkle Schicksal flechten;
Aber frei von jeder Zeitgewalt,
Die Gespieln seliger Naturen,
Wandelt oben in des Lichtes Fluren,

Въ области этики Платонъ поставилъ руководительнымъ началомъ безусловную идею блага и стремленіе въ осуществленію ея въ жизни неизмѣннымъ долгомъ cadaго ¹⁾. Не тѣлесная красота, не богатство, не могущество и не вся прочая земная чепуха ²⁾ — какъ выражается Платонъ — составляютъ счастье человѣка, но лишь справедливость ³⁾, чистота помысловъ и безкорыстное влеченіе къ истинѣ ⁴⁾.

Но изъ всѣхъ безкорыстныхъ влеченій сердца особенно просвѣтлено Платоновымъ идеализмомъ чувство любви. Кто не слыхалъ о такъ называемой платонической любви? Философское значеніе этого чувства, по ученію Платона ⁵⁾, состоитъ въ стремленіи путемъ созерцанія прекраснаго дойти до познанія истины и увѣковѣчить это познаніе въ великихъ твореніяхъ мысли. Но кромѣ этого значенія Платонъ усвоилъ за словомъ «любовь» другой смыслъ, который заставляетъ насъ грезить о томъ, что въ личной красотѣ дорогаго намъ существа мы любимъ идеаль красоты. Любимое существо предстаетъ передъ нами, «какъ геній чистой красоты», и не ему пѣснь любви мы поемъ, но его «красотѣ ненаглядной» ⁶⁾. Чувство любви сродно человѣческому существу, и имъ

Göttlich unter Gottern die Gestalt.
Wollt ihr hoch auf ihren Flügeln schweben,
Werft die Angst des Irdischen von euch!
Fliehet aus dem engen, dumpfen Leben
In des Ideales Reich!

¹⁾ Ср. De Rep., 517 слѣд. Государство, по Платону, должно быть осуществленіемъ въ человѣческомъ обществѣ идеи блага. Истинное законодательство должно имѣть цѣлью одну только добродѣтель. Ср. Gorg., 464, В; 515, В; Polit., 309, Е; Rep., 421, С.

²⁾ Plato, Sympos., 211, Е; Gorg., 519, А.

³⁾ Plato, De Rep. 354, А.

⁴⁾ Ср. поэтическое изображеніе жизни истиннаго философа въ діалогѣ Феатетъ (Plato, Theaet., 173 слѣд.).

⁵⁾ Plato, Sympos., Phadr., II. сс.

⁶⁾ Ср. Пушкина.

Я помню чудное мгновеніе,
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты. . . .

бились сердца до Платона съ тою же силой, какъ и теперь. Но до Платона люди знали только чувственную любовь и кровную родственную привязанность; тѣ прекрасныя, чистыя, отрѣшенныя отъ всего земного и какъ бы сотканныя изъ запаха цвѣтовъ ¹⁾ и луннаго свѣта ²⁾ грезы любви, которыми теперь туманятся дни юности и которыя воспѣваются всѣми поэтами у всѣхъ образованныхъ народовъ, имъ не были знакомы ³⁾.

Я укажу теперь на религиозное значеніе платонизма. Сократа сравнивали со Христомъ ⁴⁾; съ большимъ правомъ мы можемъ сравнивать Платоновое учение съ ученіемъ апостольскимъ. То же отрѣшеніе отъ вѣшняго міра ⁵⁾ и та же сосредоточенность въ міръ духа; завѣтъ поклоняться Отцу въ Духѣ и Истинѣ ⁶⁾ съ одной стороны, и постоянное воззваніе къ истинѣ и учение о Богѣ какъ объ единомъ ⁷⁾, вѣчномъ ⁸⁾, всеблагомъ ⁹⁾, всеправедномъ ¹⁰⁾, всесо-

и Фета (Вечерніе огни, стр 86):

Только встрѣчу улыбку твою,
Или взоръ уловлю твой отрадный, —
Не тебѣ пѣснь любви я пою,
А твоей красотѣ ненаглядной

Представленіе о генихъ — восточнаго происхожденія. Но кто первый заговорилъ о чистой красотѣ? См. приложенія I и II

1) Ср. Moore (The light of the Haram).

The image of love, that nightly flies
To visit the bashful maid,
Steals from the jasmine flower, that sighs
Its soul, like her, in the shade.

и V Hugo (Les Chants du crepuscule, XXII):

S'il est un rêve d'amour
Parfumé de rose etc.

2) Ср. пѣснь духа у Moore въ The light of the Haram и какъ будто написанное въ подражаніе этой пѣсни стихотвореніе Майкова «Сонъ къ лѣтнюю ночь».

3) См. приложение I.

4) Ср. Baur, Sokrates und Christus, въ особ. S. 363—368 (Drei Abhandlungen, herausg. v. Zeller. Leipzig, 1876).

5) Ср. Plato, Theaet. 176, B

6) Ioann IV, 23.

7) Plato, Politic., 269, E

8) Plato, Tim., 34, A.

9) Plato, Tim., 29, E.

10) Plato, Tim., 176, C.